

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. А. ЕСЕНИНА

В СПАС-КЛЕПИКАХ ПРАЗДНИК ОСОБЫЙ

...Евгений Михайлович Хитров, учитель литературы, вошел в класс, где солнце перетекало из окна в окно, и, обжевав зорким взглядом два ряда парт, начал по памяти читать «Евгения Онегина». Чтение поэмы длилось уже четвертый день. Читая, Хитров нет-нет да и поглядывал на светлоголового подростка, в синих глазах которого словно отражались чувства самого Хитрова, боготворившего Пушкина. Внезапно учитель прервал чтение.

— Кто продолжит?—Хитров обратился к синеглазому, сидевшему на второй парте у окна.—Есенин, ты сможешь?

Мальчишеский голос поначалу дрожит, сбивается, но вскоре обретает силу...

1911 год. Есенину пятнадцать. В Спас-Клепиках, в учительской школе (выпускала учителей начальных классов), он уже третий год.

3 октября 1985 года. В школе, где мальчик с мечтательным взглядом читал Пушкина и свои стихи, открылся музей его имени.

Внешний вид школы, где учился Есенин, может и разочаровать. Двухэтажному зданию из побеленного кирпича нечем особенно порадовать глаз. Однако эта добротная постройка вот уже второе столетие безотказно служит людям.

И, попадая внутрь, проходя через учительские квартиры на первом этаже, классными комнатами на втором, вы постепенно проникаетесь школьной атмосферой тех лет. И впечатление, что вы перенеслись во времени, усиливают гравюры и лубки на стенах.

Спас-Клепики, богатое торговое село, известное своими базарами (для учащихся базары несли двойную радость, поскольку означали свидания с родными), могло себе позволить такую роскошь — отдать под школу... трактир. Школа в Спас-Клепиках собирала одаренных детей со всей округи. Интересно, однако, что самая большая комната отведена под первый класс и парты здесь стоят в три ряда, тогда как во втором классе их только два ряда. Не каждый, кто поступал в школу, имел возможность ее закончить, хотя плата за жилье и еду была невелика. Кормильцами в то время становились рано.

— Мысль о создании филиала нашего музея в Спас-Клепиках зародилась в 1975 году. Есенину тогда исполнилось бы восемьдесят. Живы были еще обе его сестры. —Константину Воронцову, заместителю директора Есенинского музея-заповедника, 40 лет, чуть меньше половины из них отдано Есенину. —В здании школы размещался тогда техникум мелиораторов — не забывайте, мы в центре знаменитой Мещеры, — и прошло несколько лет, прежде чем здание передали нам. Много времени ушло на сбор материала. Здание перестраивалось неоднократно, и, чтобы восстановить его первоначальный вид, потребовался не один год.

Ныне, глядя на интересную и изящную, хотя далеко еще не завершенную экспозицию, трудно поверить, что буквально накануне здесь царил хаос. Директор Есенинского музея Владимир Астахов — в разездах между Константиново, Рязанью и Москвой, завален по горло организационными вопросами. Константин Воронцов на ночь глядя (раньше не смог выбраться) на попутках катит в Гусь-Железный, где мебельный цех готовит оборудование для экспозиции. Между тем ленинградские художники, специалисты по музейному интерьеру, в отчаянии: полы в школе настелены из досок не того размера, что были при Есенине. Валентин Гаврилов, автор художественного проекта всего есенинского комплекса, в отчаянии воздевает руки к потолку: как можно было оставить электропроводку на виду! У работников управления культуры заботы иные: где достать краснодеревщиков и бумагу для пригласительных билетов. Научные сотрудники не уверены, что на стенах во времена Есенина висели гравюры. Однако не оставлять же стены пустыми. Вопросов бездна, и все кажется неразрешимыми. Но — решаются.

— Однажды приводим в школу бабуся, которая здесь училась, — рассказывает Воронцов. — Бабушка, спрашиваем, двери тогда такие были? Такие, сынок, такие. А парты деревянные? Кивает: деревянные, сынок. Чуть позже Гаврилов находит в библиотеке каталог мастерской Жиркова, которая поставляла школьное оборудование всей Рязанской губернии. И что же? Парты делались на металлической основе. Поездили по сельским школам, нашли точно такие. В хорошем состоянии.

Парта, за которой сидел Есенин, выделена букетом цветов. В день открытия в школе празднично, красиво, а между тем, чего греха таить, сбегал Есенин из Спас-Клепиков и возвращался сюда лишь по настоянию родных. Они мечтали увидеть его учителем, тогда как сам Сергей, руку к стихам приложивший с девяти лет, уже в иное свое призвание поверил. Отношения с одноклассниками складывались трудно, кулаки в ход пускались частенько. Однако Сергей никогда не жаловался. На него жаловались, а он — нет, никогда. Очень молчаливый в таких случаях становился, позже вспоминал Евгений Михайлович Хитров.

Строги были правила в школе, и почти со всеми примирился Сергей. Кроме одного: чтобы стричься наголо. С большим неудовольствием расставался Есенин со своими кудрями. Позже из-за них с легкой руки маленькой дочки Тициана Табидзе в Грузии его прозвуют «Окрос Пули», что значит «Золотая Монета».

От мелких обид и огорчений синеглазый спасается в мир поэзии, мысли о великом будущем, которое его ожидает, были надежной защитой от обыденности.

Вырос я до зрелости, вник купальской ночи, Сутемень колдовная счастье мне пророчит.

Особого дара за Есениным в Спас-Клепиках никто поначалу не признавал. Рифмоплетством в школе грешили многие, и учитель литературы был завален юношескими рукописями. К Сереже Хитров отнесся, как к прочим (за что впоследствии, кстати сказать, соvestился), пальму первенства отдавая другому самородку. Тот писал на злобу дня — о тяжелой доле рабочих. Злободневность подкупала. В школе царили демократические настроения. Лишь когда Есенин принес Хитрову стихотворение «Звезды», тот был поражен и, по собственному признанию, даже как-то напуган. Лермонтов в «Звездах» присутствовал по-прежнему, но и свой, неповторимый голос у Есенина уже прозвучал. Позже именно Хитров посоветует Сергею поехать в Москву или Питер, чтобы всерьез заняться литературным творчеством.

А вот дед Никита Осипович, сельский староста, человек образованный и сельчанами уважаемый, хоть и прозванный монахом за намерение уйти в монастырь (намеревался-то он намеревался, да в двадцать восемь лет взял и женился на 16-летней), прослышав про внуково увлечение махнул рукой:

— Пустое затеял, Сергей.

15-летний отрок между тем самозабвенно, в сладком упоении испытывал тетрадь за тетрадью...

А что сказал бы дед Никита Осипович, прочти он позднего Есенина:

Хорошо бы, на стог улыбаясь,

Мордой месяца сено жевать.

Горькому эти строки очень нравились.

Что до отца Есенина, служившего приказчиком в мясной лавке в Москве, тот свою помощь обещал лишь в случае, если Сергей бросит сочинять стихи.

Блок на стихи 19-летнего Есенина откликнулся запиской:

«Стихи свежие, чистые, голосистые, многословные».

Но это будет чуть позже, а пока вернемся в Спас-Клепики, в школу, где Есенин прожил три года своей короткой жизни. Он примирился со школой, обрета преданнейшего друга в лице Гриши Панфилова, тогда уже очень большого подростка и в 1914 году, спустя два года после отъезда Сережи в Москву, скончавшегося. Но Есенин писал ему из Москвы, писал обильно, и эти письма сохранились. Они — украшение экспозиции музея в Спас-Клепиках. Как и свидетельство № 85, выданное Сергею Есенину, сыну крестьянина, в том, что он окончил курс обучения, выказав следующие успехи:

...по закону божьему — оч. хорошие
русскому языку — отличные
отечественной истории — отличные
арифметике — оч. хорошие
дидактике — оч. хорошие.

— Письма переданы нам Институтом мировой литературы, — замечает Константин Воронцов. — Для нас это клад неоценный. Другу детства Есенин поверяет то, что никому другому не стал бы рассказывать.

Немного о самом Воронцове. Музей в Спас-Клепиках — выстроенный с трудом и потому любимое его детище. Энтузиаст, влюбленный в Есенина и его поэзию, Воронцов пришел к делу своей жизни долгим, кружным путем. После окончания техникума — инженер-диспетчер на заводе под Орехово-Зуевым. 15 рационализаторских предложений. Но больше по душе работа с людьми, и Воронцов поступает в пединститут. Курсовая и диплом — по Есенину. В поисках интересного материала едет в Константиново. В музее запарка: экскурсий одна за другой, людей не хватает. Воронцов водит экскурсии, работает в фондах музея и на следующее лето письмом предлагает Астахову свою помощь. Из Константинова приходит приглашение на постоянную работу.

Все они люди увлеченные, талантливые — те, кто причастен к рождению нового музея Есенина. Музеи, созданные по проектам художника Валентина Гаврилова, разбросаны по всему Союзу: Астрахань, Дербент, Пенза. Наиболее знамениты из них лермонтовские «Тарханы». Гаврилов рассказывает:

— Создавать музей в Спас-Клепиках было нелегко, но чрезвычайно интересно. Увлекла идея воссоздать школу того времени, своего рода сельский лицей. И, разумеется, передать ту атмосферу, в которой развивался талант Есенина. В нашем деле все имеет значение. Какой вид из окна. Или дверные ручки, к примеру. Вы беретесь за дверную ручку, порой не замечая, какая она. Но если это халтура, у вас будет одно ощущение; и совершенно другое, когда ручка сделана любовно мастером. Мелочь вроде бы, но в нашем деле без них никуда.

— Есенина, по-моему, невозможно не любить. Есенин — человек озаренный. Он ушел, но его озаренность по-прежнему светит людям.

Вот что примечательно. Можно сказать — Пушкин, но можно — Александр Сергеевич, и поймут. Можно сказать — Твардовский, а поймут и когда — Александр Трифонович. А отчество Есенина? Говорят: Есенин или Сергей Есенин, даже Сережа Есенин, но по имени-отчеству редко когда назовут. И дело вряд ли в том, что умер молодым, тридцати лет от роду. Лермонтов умер еще моложе, но — Михаил Юрьевич. Верно, дело в том, что жизнь Есенина и его поэзия в памяти людской слились воедино — в гимн вечно прекрасной юности, юности золотой, беспамятной, неукротимой, знающей ошибки, но и великие прозрения тоже. Юности, принесенной на алтарь искусства.

Прежде чем отнести Есенина на Ваганьковское кладбище, гроб с его телом обнесли вокруг памятника Пушкину в Москве. Конец и начало сомкнулись, выявив предначертанность великой судьбы.

Ник. НАЗАРОВ.

СПАС-КЛЕПИКИ — МОСКВА.

● С. Есенин среди односельчан (третий справа). 1909—1910 год.

